

ему и посвящается целый раздел), который тоже, как и вышеназванные, относится к числу основополагающих принципов преподавания языка и который тоже оказал определенное воздействие на разработку некоторых теоретических положений лингвистики. Речь идет о принципе, касающемся метаязыка описания, формы представления лингвистической информации в учебных пособиях. П. Н. Денисов пишет (в последней главе), что лингвистическое описание должно отвечать требованиям стандартности (одинаковые явления должны описываться единообразно), экономности, простоты, полноты, эффективности; что применение описания обязательно должно приводить к распознаванию или порождению правильной речи (с. 215). П. Н. Денисов считает, что лингвистическое описание должно быть ориентированным на адресата, что оно должно предполагать в читателе (ученике) определенный объем знаний; что описание не обязательно должно иметь один вариант; что необходимо соблюдать традиции в описании и т. д. (с. 214).

На примерах из лексикографии автор дает типологию лингвистических описаний, классифицируя последние в зависимости от объекта описания, от психологических особенностей адресата (носители языка, иностранцы, ЭВМ), от метаязыка описания, от социологических факторов (от данной культуры, исторической обстановки) и проч. (с. 210—211).

В связи с принципами описания затрагивается в книге и вопрос о формализации. Формализация — это описание, которое строится без опоры на интуицию, на языковое чутье. П. Н. Денисов утверждает, что полная формализация невозможна (с. 214), что применение искусственного языка, скажем, для описания

всей лексической семантики — утопия (с. 238). Можно добавить: если лингвистическое описание адресовано человеку, а не машине, то полная формализация и не нужна. Дело в том, что как носитель языка, так и иностранец владеют языковым чутьем: до многого в усвоении и употреблении языка они «доходят» сами, не прибегая к материалу, который предлагает им формализация. Но если описание адресуется машине, то в нем грамматика и словарь должны быть полностью формализованы. И такая формализация возможна применительно к значительным фрагментам языка. Добавим, что формализация — не цель, а средство, и степень ее присутствия в лингвистическом описании зависит от того, кому адресуется описание. Формализация в минимальной степени имеет место в описании, адресованном носителю языка; она максимальна в описании для машины; ее должно быть очень много в учебной литературе, предназначенной для иностранцев. Изложенные в рассматриваемой книге требования к лингвистическому описанию есть не что иное, как требования достижения определенного уровня формализации в учебной литературе.

Итак, практика преподавания русского языка как иностранного значительно стимулировала разработку многих теоретических проблем языкознания и лексикологии; она явилась и наиболее благоприятной базой их приложения. В рассмотренной книге П. Н. Денисова это показано, на наш взгляд, ясно и убедительно. Книгу можно рекомендовать не только преподавателям русского языка как иностранного, как об этом сказано в аннотации, но и лингвистам-теоретикам.

Федосов В. А.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.

Рецензируемая монография состоит из Введения и одиннадцати разделов. Каждый раздел в отдельности освещает одну из граней изучаемой темы, а все в совокупности дают полную картину семантики и, добавим от себя, прагматики производного слова.

Остановимся на некоторых положениях монографии. В первом разделе «Отличительные черты смысловой структуры производных слов» говорится о двойной референции, свойственной производному слову, а именно о «референции к миру действительности, типичной для класса слов вообще, и референции к миру слов, типичной для вторичных единиц номинации» (с. 10). Так, область референции номинации «черника» может быть представлена рисунком этой ягоды или описанием ее вкусовых качеств (первая референция), но она может быть определена и отсылкой к мотивирующему слову «черный» (вторая референция).

Второй раздел «Особенности формиро-

вания семантики производного слова в словообразовательных процессах разного типа» содержит классификацию производных слов в зависимости от способов их образования. Автором выделяются три типа словообразовательных процессов, а именно: аналогический, корреляционный и дефиниционный (с. 25). Механизмом первых двух являются ассоциативные связи, при образовании по аналогии ассоциации возникают между формантными частями, ср.: ... «Безвыходность горя, безгласность, безбрежность. Холодная высь, уходящие дали... Глубокая тишь, безглагольность покоя» (Бальмонт, Безглагольность). При образовании по корреляции ассоциация возникает между мотивирующими частями, ср.: «Шалай моя! Пощелевали досыта с тобой» [М. Цветаева, Молодость (II)]. Механизмом дефиниционного процесса являются логические операции, непосредственно связанные с преобразованием развернутого суждения о предмете в его обозна-

чение, например, «лицо у Зики было ничего, круглое, свеженькое, всегда слегка улыбающееся, в белокурых кудряшках. Простоватое личико» (Ю. Трифонов, Другая жизнь). Нам кажется, что поскольку первые два процесса выделяются по одному критерию, а третий — по другому, рассмотрение их в одном ряду неоправданно.

В следующем разделе книги «Методика семантического анализа производных слов» производное слово рассматривается в сопоставлении с заменяющим его развернутым словосочетанием. При этом устанавливается корреляция между внутренними компонентами деривата и автономными частями его дефиниции. В четвертом разделе основной акцент делается на скрытых компонентах (семах) производного слова, которые выявляются и эксплицитно выражаются в дефиниции этого слова. Очень интересно и плодотворно для дальнейших исследований положение автора о том, что основное отличие сложного слова от мотивирующего его суждения состоит «в ином способе отражения предикативности и переводе актуальной предикации в латентную» (с. 67).

Пятый раздел посвящен истории изучения словообразовательного значения. В нем утверждается, что значение аффикса и словообразовательное значение — далеко не одно и то же (с. 94). Об этом же более подробно автор говорит в восьмом разделе «Деривационные форманты и их роль в формировании словообразовательного значения», где отмечается, что в разных типах производных аффиксы могут выполнять три различных семантических роли, а именно: а) оформителя ономастического базиса, б) оформителя ономастического признака и в) оформителя определенного типа отношений между ними. В первом случае, согласно утверждению автора, словообразовательные форманты выступают как категоризаторы или классификаторы, во втором — как модификаторы и в третьем — как реляторы, при этом подчеркивается, что ни в одном из этих случаев деривационный формант не равен словообразовательному значению в целом, которое как по форме, так и по содержанию сложнее структурировано, чем значение деривационного форманта.

В шестом разделе «Определение словообразовательного значения» хочется положительно отметить понимание словообразовательного значения одновременно и как элемента смысла и как отношения между основными понятийными категориями предметности, признаковости и процессуальности. Седьмой раздел посвящен классификации и исчислению словообразовательных значений. Автор совершенно правильно считает, что «для классификации словообразовательных значений надо изучить механизм соотношения разных категориальных значений, которые представлены в языке и которые отражают лингвистическое видение (разрядка наша. — В. З.) и лингвистическую классификацию предметов и явлений внешнего мира, включая осмысление и классификацию типов свя-

зей. За словообразовательными значениями стоит тысячелетний опыт человека и его умения обобщать факты, абстрагировать наблюдаемое и познаваемое, в частности и его умение классифицировать типы отношений и связей» (с. 107).

В разделе «Роль мотивирующего слова в формировании значения мотивированного слова» автор объясняет наличие скрытых сем в структуре деривата возможностями лексической и синтаксической сочетаемости мотивирующего слова, а также кругом связанных с ним (мотивирующим словом) ассоциаций. Автор совершенно справедливо указывает на зависимость семантики производного слова от места и функции мотивирующего его слова в исходной пропозиции и подчеркивает влияние на формирование значения деривата трех факторов: а) конкретных лексико-грамматических значений мотивирующего слова, б) его собственной пропозитивной функции, в) контекстных значений мотивирующего слова. Учет в качестве одного из факторов, влияющих на формирование значения производного слова, ассоциативных связей мотивирующего слова представляется интересным в аспекте словообразовательной и психологической проблематики. Новые понятия, формируясь, включаются в сетку существующих связей и отношений.

Наиболее перспективными для дальнейшего развития дериватологии нам представляются два последних раздела монографии, в которых обсуждаются вопросы функционирования роли производных слов в организации связного текста. Употребление производных слов, как убедительно показывает автор, способствует достижению синтаксической компактности текста, компрессии текста, его рациональному построению. Использование производного слова позволяет обойтись без сложных описательных оборотов. Употребление производных слов может сопровождаться переходом рематических компонентов высказывания в тематические. Автор это наглядно показывает на примере простых суждений, таких, как *Дети играют, Гора высокая, Ребенок болеет*, которые легко распадаются на тематическую часть сообщаемого и приписываемые им признаки, представляющие собой действия (*играют*), качества или свойства (*высокая*) или состояния (*болеет*). При продолжении текста и номинализации указанных признаков происходит превращение рематического элемента в тематический, например: *Игра продолжалась до вечера, Высота горы поразила нас, Болезнь ребенка оказалась неопасной* (рематические компоненты *играют, высокая и болеет* становятся тематическими последующего высказывания, соответственно *игра, высота и болезнь*).

Использование производных способствует, во-первых, синтаксической компактности высказываний, во-вторых, соотношению рематического компонента предшествующего высказывания с тематическим компонентом последующего. Емкость, лаконичность, информативность производного слова связаны с его принципиальной многозначностью (с. 187), совмещением нескольких значе-

ний. Производное слово вводится в текст как широкий по своей семантике знак, в котором обобщенно отражаются типы отношений и типы ситуаций. Использование производного слова создает возможность свернуть, вывести за пределы текста избыточные детали описания, которые легко «домысливаются». Следовательно, производные слова могут осуществлять в тексте функции маркирования возможных синтаксических ролей данного обозначения, семантической компрессии, моделирования подразумеваемых скрытых компонентов смысла и связывания отдельных отрезков текста, соотношения между собой разных его частей.

По некоторым положениям монографии нам хотелось бы поспорить с автором. Так, из области терминологии нам кажется неоправданным введение термина «отсылочная часть» (с. 16) при уже имеющейся синонимии терминов «производящая основа» и «мотивирующая основа».

На с. 57 автор разграничивает случаи невыраженности значения (типа *школьник*) и случаи невыводимости значения (типа *подберезовик*). Первые автор называет лексикализованными, вторые — фразеологизированными. Нам же представляется, что в обоих случаях значение производного невыводимо, его надо заранее знать, а не выводить. Вывести можно только общую формулу модели с той степенью детализации, с какой задан инвентарь словообразовательных значений. И в этом смысле разницы между производными словами *школьник* и *подберезовик* нет. Если говорящий не знает из своего прошлого языкового опыта значения слова *школьник*, то он, во-первых, никогда не сможет вывести, что это название лица, а не предмета: в принципе словом *школьник* мог быть назван любой предмет, имеющий отношение к школе, например, мел, которым пишут в школе, стол-парта, за которой сидят в школе, большой зал в школе и т. п.

(любое такое обозначение не противоречило бы законам номинации), и, во-вторых, даже если бы говорящий знал, что слово *школьник* обозначает лицо, то он не смог бы вывести предиката, показывающего отношение лица к школе, конкретную деятельность этого лица в школе: ведь речь может идти и об обозначении того, кто учит в школе, заведует школой или, наконец, учится в школе.

Разница между *школьник* и *подберезовик* только в том, какая из сем является открытой. При развертывании производного слова и выявлении скрытой семы (скрытые семы) будут вербализоваться словами разных морфологических классов, выполняющих различную синтаксическую функцию в дефинициях этих производных слов. Но в обоих случаях нельзя вести исследование на основе признака выводимости/невыводимости значения: в обоих случаях это значение надо знать, а не выводить. Применяя тезис автора о двойной референции производных слов к данному случаю, можно сказать, что отнесенность к миру внеязыковой действительности надо знать, а не выводить, а отнесенность к миру слов можно выводить.

Сама степень выводимости значений производного слова может быть различной, но разграничение по степени выводимости надо, на наш взгляд, проводить не между разными предметными существительными, а между абстрактными, с одной стороны, и конкретными, предметными, с другой, иными словами степень выводимости находится в прямой зависимости от того, между какими понятийными категориями устанавливаются отношения в процессе словообразовательного акта. И в этом направлении было бы очень интересно провести исследование и упорядочить по шкале степени выводимости значения и разные классы производных.

Волоцкая З. М.

Попович А. Проблемы художественного перевода. Пер. со словацкого Бернштейн И. А. и Чернявской И. С. — М.: Высшая школа, 1980. 199 с.

Наш век по праву называют веком переводов и веком словарей: информационный голод, характерный для современной эпохи, может удовлетворяться лишь благодаря широкому языковому обмену. Не случайно поэтому огромный размах переводческой деятельности, вызвавший к жизни большие успехи, которых за последние 30—40 лет достигла теория и практика перевода. От работ А. В. Федорова, М. П. Алексеева и К. Чуковского до исследований Л. С. Бархударова, И. А. Кашкина, Г. Р. Гачечиладзе, В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера, Я. И. Редкера, В. В. Коптилова и многих других — таков путь советской науки о переводе. Немало сделано в этой области и за рубежом. Как для отечественной, так и для зарубежной науки

о переводе характерно движение от обобщенной литературоведческой интерпретации перевода к его углубленной лингвистической характеристике.

Книга словацкого ученого А. Поповича относится именно к таким исследованиям, в которых углубленный литературно-критический анализ переводного текста гармонично сочетается с отточенным измерением его языковых достоинств или изъянов. Автор этой книги — видный теоретик и историк литературы, профессор Братиславского университета, заведующий секцией по изучению переводческих проблем Международной ассоциации сравнительного литературоведения и руководитель Кабинета литературной коммуникации и методики при Педагогическом институте г. Нитра. Его перевод-